

ДАНУТА БУДНЯК

Естественно-гуманитарный университет (Седльце)

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ТЬМЫ СО ЗЛОМ В ХРИСТИАНСКОЙ СИМВОЛИКЕ

*Дальний свет будет виден только из тьмы,
И без тьмы тот огонь не увидели б мы.
будьте тьме благодарны, когда вышли на свет.
Все мы свет прославляем, но без тьмы света нет.
Ваис Тусупов, Улан-Удэ, Бурятия, Мастер леса.*

Darkness as Evil in Christian Symbolism

The article deals with the rituals typical for the Christian worldview of Slavs. Among them the author focuses on: 1) the rituals and customs connected with giving birth to a child; 2) rites associated with the birth of the child and the newborn's acceptance by the family or community; 3) the rites of purification of the mothers and women-midwives held on the third day after giving birth, after which the mother is allowed to attend church again. Slavs believed in gods and higher beings providing people with "wealth" and grace, on the one hand, and demons and evil creatures causing misery and misfortune, on the other. Slavs perceived these gods and demons through the phenomena of the surrounding nature and attributed everything that was happening to their free will. Faith as a special dimension of consciousness is identified with Christian philosophers. It is treated as a form of union with God, as a channel through which God acts upon the cognitive abilities of a person, healing, perfecting and improving them.

Keywords: God, darkness, evil, symbols, ritual, Christian philosophy.

Что есть свет и что есть тьма? Здесь непонимание может достигать огромных масштабов, поскольку каждый человек выстраивает свой тоннель реальности на основе совершенно разного опыта. Толкование слова свет – состояние, противное тьме, темноте,

мраку, потёмкам, что даёт способ видеть. Иные свет принимают за «сотрясение малейших части», другие свет принимают за «сотрясение малейших частиц вещества», иные – за особое тончайшее вещество, разливаемое всюду солнцем и огнём. Самая большая сложность в том, что один и тот же символ имеет свойство перехода в свою противоположность. К примеру, классическое христианское отождествление тьмы со злом может быть распатано даже внутри самой христианской символики. Если свет и добро есть Бог, а тьма и зло – дьявол, то кому служат монахи в черных одеяниях и почему черное духовенство имеет более высокий статус? За шесть первых веков истории христианства были достигнуты значительные успехи, позволившие христианской религии устоять перед лицом многочисленных угроз. Многие завоеватели с севера принимали христианскую веру. Человек может заходить далеко в поисках материального счастья и не находить его и оставаться ни с чем, но верующий может так же идти далеко и не находить природу ума и сути бытия, ибо, не стоит углубляться в поиск, истина рядом, в природе чистого сознания.

В жизни каждого из нас бывают моменты, когда душе необходимо прильнуть к Источнику, окунуться в свет. Главенствующей идеей христианского мировоззрения является идея Бога. Реальностью, определяющей все сущее в мире для христианства, является не природа, космос, а сверхъестественное начало – Бог. Христианские мыслители придают сверхъестественному роль определяющего начала во всех происходящих в мире процессах, ставят в зависимость от него существование и природы, и человека, и общества.

Мир как бы преобразуется языковой личностью в индивидуальную картину мира, которая включает в себя не только отражённые объекты, но и позицию окружающего, его отношение к этим

объектам. Человек отражает мир сквозь призму своей национальной культуры. Сам феномен, называемый картиной мира, возникает вместе с формированием говорящего человека. Формирование картины мира невозможно без языка. Картина мира в общественном и социальном сознании формируется и фиксируется с помощью языка, ибо язык – орудие познания мира, с помощью которого фиксируются результаты этого познания. Язык – главный материал для определения того, как отражается картина мира в сознании языковой личности. Следовательно, язык, являясь носителем социальной памяти человечества, всей суммы его знаний, помогает строить модель мира, картину мира, но это не есть языковая картина мира. Культура, выражающая большую степень национального самосознания, породила патриотические настроения у соседей, активизировала процессы, связанные с возникновением новых национальных культур.

Имея своей целью реконструкцию системы ценностей как одной из составляющих **этнических и культурных традиций**, лингвистическая аксиология вписывается, как представляется, в круг проблем, решаемых этнолингвистикой – проблем **языка и этноса, языка и культуры, языка и национального менталитета**. Изучение **системы ценностей этноса** как глубинных, личностных, так и идеологизированных, общественных даёт возможность выявить своеобразие в его мировидении, мирочувствовании, мирозерцании

В связи с этим чрезвычайно важное значение приобретает изучение психологии восприятия среды, поскольку «восприятие и осознание человека и мира оказывается производным от культурно-исторического бытия человека» (Петренко 1988, 14).

Критические, переломные, рубежные точки можно выделить не только в годичном круге (солнцестояния и равноденствия) или сут-

ках (утренняя и вечерняя заря, полдень и полночь), но и в человеческой жизни.

Ритуальные предписания христианского мировоззрения религиозной жизни славян применялись при всевозможных заговорах. Таких основных точек для мифологического мышления три: **рождение, свадьба и смерть имеют место во тьме, и всё возвращается во тьму, в смерть и распадение.** Впрочем, рождение ребенка, как и крестины, не было сопряжено с масштабными, шумными празднествами. Зато ему сопутствовала целая серия характерных обрядов. Мы только бегло перечислим их группы, следуя разделению, предложенному в свое время Д.К. Зелениным (Зеленин, 1995, 39).

Первая группа – обряды и обычаи, предшествовавшие родам и связанные с ними. Они прежде всего исходят из общего для традиционных культур представления о нечистоте беременной женщины. На нее налагались определенные ограничения, но, с другой стороны, она пользовалась всеобщим уважением, исполнялись все ее желания, даже прихоти (скорее, впрочем, из-за дурных последствий, которые, по поверьям, могли наступить для не исполнившего). Представления о ритуальной нечистоте роженицы и новорожденного вполне понятны: рождение не только является целью и высшим проявлением женского начала (связанного в традиционной модели мира с нижним, негативным, нечистым), но и представляется как переход из невидимого состояния в видимое, из необщественного (асоциального) – в общественное (социальное). Тьма – в сущности не зло, поскольку в ней основа света, который возникает из неё, и в этом смысле она просто неявленный свет, прекомическая до рождения существовавшая тьма предстоит как и рождению, так и инициации. Новорожденный по внешним биологическим признакам

куда больше напоминает животное, чем человека, и нуждается в «социализации»: воспитании, обучении, ритуальных испытаниях, которые только и делают его членом общины, коллектива. По признакам же магическим он весьма близок к мертвецу. В начале жизни, в первые ее дни он представляет собой типичного «агента мира иного», сотворенного порождающей силой последнего и только что явившегося из небытия. Ясно, что отношение к нему должно быть несколько настороженным. Таким, кстати, было оно и к покойнику: труп представлялся нечистым. «Омывали и наряжали его обычно родственники и соседи, а чаще особые омывальщики – дедушка-умывальщик, не имеющий «греха», или старая дева, черничка. Все соприкасавшееся с трупом удалялось от жилья. Для смывания употреблялась специальная посуда, чаще глиняная, которую выбрасывали в овраг или яму за село, иногда разбивали. Места, где ее бросали, считались страшными. После похорон избу мыли («вымывали смерть из избы») и окуривали помещение ладаном» (Зеленин 1995, 48). Вернувшись с кладбища, мыли руки, причем не входя в дом. Все это – типичные обряды очищения, и многие из них сохранились до сего дня даже в городской среде. Покинуть свет, умереть, или удалиться, уединиться, жить одиноко, или идти в монастырь. Кстати, обряд омовения совершался и с младенцем, и с невестой. Смысл его – «смыть» прежнее состояние (нерожденности, девичества, жизни), подготовить человека к переходу в новое качество (из «природного» в «культурное» или – а случае покойника – наоборот). Вообще родильная и погребальная обрядность в существенных чертах весьма сходны и как бы «симметричны»: во время похоронных ритуалов над умершим совершаются действия, по назначению аналогичные обрядовым действиям с новорожденным, но с обратным эффектом и в обратном порядке; свадьба в равной мере несет представления

о рождении и смерти. Добавим, что, по наблюдениям исследователя А. К. Байбурина (Байбурин 1983, 191). обрядность при строительстве нового дома аналогична родильной – дом, человек и мир мыслились устроенными по одному принципу, – а календарные обряды, связанные с обновлением «старого» времени, вполне соответствуют погребальным ритуалам.

Вернемся к родильной обрядности. Интересна магия, применявшаяся при тяжелых родах. Все присутствующие, не исключая самой роженицы, снимают пояса, расстегивают воротники, развязывают все узлы, расплетают косы, открывают печные заслонки, так же как и все замки, двери и сундуки; в особенно тяжелых случаях просят священника раскрыть в церкви царские врата. Роженицу заставляют ходить; прежде всего ее трижды обводят вокруг стола в избе, затем велят перешагнуть через метлу, коромысло, дугу, через мужа роженицы, лежащего вниз лицом на пороге, и через его штаны. В самых тяжелых случаях ее подвешивают за ноги. Роженице суют также в рот кончик косы, дают есть вшей и прибегают к различным другим способам, чтобы вызвать рвоту и испуг; ее заставляют также напрячь мускулы, дуя в пустую бутылку, велят повиснуть на руках, ухватившись за привязанную к балке веревку, и т.п. (Байбурин 1983, 240).

Приведенный перечень хорошо иллюстрирует, как традиционное мировоззрение не различает магических и вполне реальных способов достижения цели; потому они и приводятся Зелениным в одном ряду. наравне с ними применялись всевозможные заговоры и т.п.

Второй группой обрядов, связанных с рождением ребенка, Зеленин (Зеленин 1995, 432) считал обряды принятия новорожденного в семью или общину. они продолжались от рождения до годовщины (как, кстати, и поминальные обряды от смерти до её годовщи-

ны). речь идет о проведывании роженицы сельскими женщинами (оно было обставлено разнообразными ритуальными предписаниями, например, касающимися приносимой ей пищи, и запретами – например, есть эту пищу мужу), о выборе кумовьев, о ритуальном обеде – родине, куда могли приглашать все село (или всех детей преимущественно одного пола с новорожденным). Приходили, конечно, не все, но, по сути, перед нами, видимо, остаток обряда принятия в общину нового члена. Далее – церковное крещение и обед в его честь, крестины, с ритуальной «крестинной кашей», где, кстати, могло запрещаться присутствие не только матери, но и отца, тоже некоторое время считавшегося нечистым. наконец, обычно в годовщину осуществлялся обряд первой стрижки ребенка.

Третья группа – обряды очищения на третий день роженицы и бабы-повитухи, связанные с омовением водой, и церковный обряд, происходивший через 40 дней (ср. со сроком поминания покойного), после которого роженице вновь разрешалось посещать церковь.

Вторая критическая точка жизни – как бы ее кульминация, время наибольшей полноты жизненных сил – свадьба. Она характеризовалась чрезвычайно сложным и имеющим глубокий знаковый смысл ритуалом. Начнем с того, что далеко не всякое время года считалось благоприятным для свадеб. Одним из «хороших» периодов была Красная Горка – первое воскресенье после Пасхи, вообще – весна, а также октябрь – ноябрь – время после окончания полевых работ, и зима: после Крещения и до масленицы. Подобный выбор времени был продиктован ритмом сезонных работ чередованием мясоедов и постов, но в основе своей, вероятно, уходил во времена языческие.

Даже обметание валенок у крыльца, сушка голиц (рукавиц) у печной заслонки, поведение домашних животных, скрип половиц, шум ветра приобретали особый смысл во внешнем оформлении сватовства. Несмотря на четкость выверенных веками основных правил, каждое сватовство было особенным, непохожим по форме на другие, одни и те же выражения, пословицы говорились по-разному... Традиция... ничуть не сковывала творческую фантазию, наоборот, она давала ей первоначальный толчок, развязывая языки даже у самого косноязычного свата. Впрочем, косноязычный сват – это все равно что безлошадный пахарь, или дьячок без голоса, или, например, хромой почтальон.

Два основных признака традиционного свадебного обряда, тесно связанные между собой, – его диалогичность и переходный характер. Первый признак связан с тем, что в сценарии свадебного действия принимают участие два доселе чуждых друг другу начала: род жениха и род невесты, которые вступают между собой в диалог, цель которого – снятие, уничтожение в будущем браке противопоставления этих начал, породнение. Обе стороны обряда осмысливают ситуацию в рамках традиционной модели мира, а именно через оппозиции свой – чужой, близкий – далекий, доля – недоля, жизнь – смерть. Это отражалось, например, в свадебных причитаниях невесты, весьма сходных с похоронными, в ее обязательном плаче в строго определенных местах обряда (даже если не хотелось, для чего, по свидетельству Василия Белова, на Севере «безунывной» невесте традиция позволяла тайком натирать глаза луком). Замужество ритуально осмысливалось как смерть, поскольку точно так же было связано с перемещением в пространстве, предполагало долгий путь в чужую сторонушку, мир иной – таковым представлялся первоначально в терминах обряда дом жениха (а для жениховой

семьи – дом невесты) – и точно так же знаменовало собою критическую точку жизни, изменение социального статуса – переход из юношества в полноправную зрелость (в свадебных величаниях молодых не только именовали князь и княгиня, боярин и боярыня, что означало переход в группу старших, выраженный в терминах другой общественной иерархии, но и впервые называли по отчеству, подчеркивая превращение молодого человека во взрослого). Таким образом, перемещение между полюсами своего и чужого, близкого и далекого, живого и мертвого позволяло не только нейтрализовать эти противопоставления в новом единстве, но и перейти на следующую ступеньку общественного положения.

Собственно говоря, все свадебное действо вплоть до заключительного пира представляет собой постоянные перемещения между двумя полюсами, соответствующим образом ритуально осмысленные. Пространство между домами жениха и невесты воспринимаются как путь из мира в антимир. Оба мира организованы согласно традиционной модели – как серии кругов (локусов, «мест», областей), имеющих общий центр (в данном случае – два центра, которыми являются печи домов жениха и невесты). Путь от одного дома к другому – при сватовстве, "глядений" невестинной родней хозяйства жениха, рукобитье и самой свадьбе – состоял в последовательном пересечении границ областей мира, вложенных друг в друга: дом – (двери) – двор – (ворота) – деревня – (околица) – поле – деревня – двор – дом. Как указывает А. К. Байбурин,

специфика границ в ритуале такова, что каждая граница, не будучи пересеченной, воспринимается как основная, как граница между «этим» и «другим» миром. Причем неважно, где эта граница находится - в пределах пространства, которое [...] расценивается как свое, или в чужом пространстве. (Байбурин 1983, 191)

То есть принципиально, неизменно «чужого» пространства не было: чужое с первого шага стояло перед лицом, а за спиной оставалось свое. При отправлении в путь чужими оказывались даже углы собственного дома, не говоря уже о дворе, с чем были связаны специальные обряды. Сам же путь в ритуале, пишет исследователь, «характеризуется тем, что граница между своим и чужим находится всегда впереди», а по мере движения свадебного поезда отодвигается, словно горизонт. Последней границей, перейти которую без специального разрешения невозможно – это навлекло бы серьезные бедствия на весь человеческий коллектив, – является матица (балка, брус поперек избы, на которой настлан потолок), под которой сидят сваты. Но даже, как пишет в той же работе А. К. Байбурин, получив согласие и пройдя за матицу в передний угол (он, как и печь, очаг, мог осмысливаться как центр), сваты «приносят с собой» еще одну границу – стол. Ее переход и означает окончательное снятие исходного противопоставления: ритуал рукобития, после которого расстроить свадьбу уже нельзя, совершается через стол, символизируя прорыв последнего рубежа между своим и чужим.

Добавим, что при всех предсвадебных перемещениях путь туда не должен сливаться, совпадать с путем обратно: из мира иного: Как мы знаем из магических и мистических учений, нельзя вернуться той же дорогой (даже Алиса в известной сказке Л. Кэрролла возвращается из Страны чудес отнюдь не через колодец, в который свалилась вначале, то же происходит и в народных сказках). Понятным становится и обычай преграждать дорогу свадебному поезду, ставить на его пути различные препятствия, требуя выкупа (вином, деньгами): на пути в иной мир, согласно древним представлениям, странника встречают привратники, охраняющие вход; пропуском служит выкуп или знание тайных имен, особых заклинаний.

Впрочем, поезду угрожала и настоящая нечистая сила, от которой спасались при помощи магических средств – оберегов. Это прежде всего шум, стрельба, бросание невозможных предметов, «опаживание» (обметание) веником магического круга вокруг поезда. Оберегали и молодых, для чего могло служить покрывание их головы или лица, рта, рук, а также закрывание дверей и других отверстий в доме, иногда – запрет произносить имена молодых. Эти же средства предохраняли от сглаза, порчи и другого враждебного колдовского воздействия на поезд, которое широко практиковалось недругами. Колдуньи вечно норовили испортить молодых, а то и, по рассказам, превратить шумный веселый поезд в волчью стаю. Поэтому их всегда старались пригласить на свадьбу – чтобы не обидеть, а от колдовства отговаривались специальными, очень длинными заговорами, где в переносном значении тьма – это невежество, необразованность, культурная отсталость, где на помощь призывалось все многочисленное небесное воинство ангелов, архангелов и святых. Любопытно, что почти такие же заговоры помогали, например, в рыбном промысле или оберегали стадо.

Результат совершенного в результате свадебного обряда перехода невесты в иное пространство и социальную группу закреплялся внешним выражением: переплетением кос по-женски и ритуальным обходом молодой вокруг печи в доме мужа, что означало превращение ее в «свою» для этого дома.

Славяне отделились от индоевропейского языкового массива во II тысячелетии до нашей эры. Их верования уходят корнями в воззрения древних индоевропейцев, благодаря чему во взглядах древних славян мы находим множество общих черт с мифологическими системами Индии, древних германцев, кельтов, греков и римлян. Язычество древних славян просуществовало до X века, когда в 988

году князь Владимир Святославич принял решение о крещении своей земли. Однако и после этого многие черты народной мифологии сохранялись в обрядах, поверьях, сказках, загадках и других произведениях народного творчества.

За это время их воззрения претерпели существенные изменения. По мнению наиболее выдающегося исследователя славянского язычества, академика Б.А. Рыбакова (Рыбаков 1982) последующие взгляды, сюжеты и мифы не стирали предыдущие, а наслаивались на них и продолжали сосуществовать с ними. Таким образом, даже в эпоху наиболее развитых мифологических представлений в народном сознании сохранялась память о самых архаических пластах верований своих предков. Сам термин «язычество»¹ – литературного происхождения. Произошел от церковнославянского слова «языци», т. е. «народы», «иноземцы». Таким образом, русские

¹ Письменные источники XV–XVII веков и фольклорные источники XVIII–XX веков, которые менее приближены к язычеству, но содержат в себе ряд сведений более ранних, не дошедших до нас, источников, а также развернутые записи легенд, сказок, былин, заговоров, быличек и бывальщин, пословиц и поговорок, по которым возможно реконструировать древние мифы. Особую роль играют сведения польских, чешских и немецких авторов и историков, записавших местные легенды западных славян, сохранивших сведения древнерусских источников. В России XVI–XVII веков некоторые сведения записали западные дипломаты, военные и путешественники (Сигизмунд Герберштейн, Олеарий и другие). Среди фольклорных сюжетов к язычеству обычно относят былины о Святогоре, Потыке, Вольге (Волхе), Микуле; сказки о Кашее Бессмертном, Змее Горыныче, Бабе Яге, Алёнушке и Иванушке. Трудность интерпретации этих источников заключается в том, что на древние представления наслаиваются более поздние слои, измышления авторов, рассказчиков, собирателей фольклора. Среди авторитетных исследователей фольклора И. П. Сахаров, А. Н. Афанасьев, Д. К. Зеленин, В. Я. Пропп и другие. Примечательно, что все перечисленные произведения, в том числе записанные уже на рубеже XX века, несут в себе двоеверие, то есть смесь язычества и православия. Более достоверны, но и более трудночитаемы археологические источники: сведения раскопок культовых мест, находки идолов, ритуальных предметов, украшений, языческих символов, надписей с упоминанием о языческих богах или язычниках, остатки жертвоприношений и ритуальных действий. Значительный вклад в изучение языческих древностей внесли Л. Нидерле, А. Н. Лявданский, И. Херманн, Е. Кясовская, Е. Гясовский, В. Лосинский.

книжники эпохи Киевской Руси – христиане по вере – как бы «отгораживались» от народов, еще не крещенных. В современной науке под язычеством понимается комплекс религиозных обрядов, верований, представлений, предшествовавший возникновению «мировых религий» (христианства, магометанства, буддизма) и послуживший их основой.

Славяне-язычники поклонялись стихиям, верили в родство людей с различными животными, приносили жертвы божествам, населяющим все вокруг. Каждое славянское племя молилось своим богам, религия северных (балтийских и новгородских) славян сильно отличалась от религии славян киевских и дунайских. Единых для всего славянского мира представлений о богах никогда не существовало: поскольку славянские племена в дохристианское время не имели единого государства, они не были едины и в верованиях. Поэтому славянские боги не связаны родственными отношениями, хотя некоторые из них и очень похожи друг на друга. Созданный при Владимире Святославиче языческий пантеон – собрание основных языческих богов – также нельзя назвать общеславянским: в основном он состоял из южнорусских божеств, причем их подбор не столько отражал действительные верования киевлян, сколько служил политическим целям. Из-за разрозненности языческих верований, так и не достигших своего расцвета, сохранилось очень мало сведений о язычестве, да и то довольно скудных. Входя в мир славянского язычества, мы должны также четко представлять, что его развитие опосредовано окружающей человека природной средой и господствующими общественными отношениями.

По мнению известного советского ученого – религиоведа И. А. Кривелева, общая особенность мышления человека в древности состояла в том, что его объектом и материалом были предметы

и явления, входившие в непосредственное окружение человека и имевшие для него жизненное значение. Поэтому и религиозные представления вначале относились к предметам и явлениям ближайшего окружения, притом к тем, которые были вплетены в жизнедеятельность человека.

До нашего времени дошли источники, свидетельствующие о поклонении древних славян таким предметам и явлениям. Автор *Хождения Богородицы по мукам* – произведения XII-XIII вв.- пишет, что «они все бога прозваша: солнце и месяц, землю и воду, звери и чади» (Александрийский 1998, 77). Знаменитый русский церковный деятель XII в. Кирилл Туровский в одной из своих проповедей яростно восклицал: «Уже бог не нарекутся Богом стихиям, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни дерева!»². Не растеряли славяне во время своего расселения и того духовного капитала, который был накоплен ими в предшествующую эпоху в области общего мирозерцания, верований и культа. Сравнительное языковедение и древнейшие исторические свидетельства указывают на то, что у славян еще до расселения выработались некоторые более или менее устойчивые религиозные представления и черты культа.

Славянам присуща была идея богов, высших существ, подающих благо, «богатство», и идея бесов, злых существ, причиняющих беды и несчастья людям. Этих богов и бесов славяне ощущали в явлениях окружающей природы и приписывали их свободной воле все, что совершалось в этой природе. В этом воззрении, вызывавшем естественное стремление направить волю богов и бесов в свою пользу, и лежало начало религиозного культа, одушевленным и неоду-

²Кирилл (Кирилла) Туровский (1130, Туров, Туровское княжество – около 1182), церковный деятель и писатель Древней Руси. Став епископом Турова, прославился как писатель и проповедник. Канонизирован Русской православной церковью в лике святителя, память совершается: 28 апреля и 4 ию-ня (по юлианскому календарю).

шевленными предметам, обожествляли силы природы археологическим раскопкам мест языческих молений и найденнымкладам женских и мужских украшений с языческой символикой. эпическими сказаниями (например, русскими былинами).

Богоуподобление есть ничто иное, как самоотречение человека, полный переход в подчинение человека Богу. Формой же такого перехода, по мнению христианских мыслителей, является вера. При этом они прибегают к довольно расширенной трактовке феномена веры. Вера истолковывается ими как универсальное измерение человеческого сознания, субъективности, духовности, в которой выражается рационально непрозрачное отношение к действительности. Вера трактуется и как психологическая установка, уверенность, приверженность к чему-либо, и как вера в сверхъестественное, как религиозная вера. Используя первое значение термина «вера», христианские философы рассматривают веру как особую, сверхъестественную, познавательную мировоззренческую позицию субъекта. Согласно их учению, вера имеет глубинные эмоционально-волевые основания и является психологически первичной по отношению к дискурсивному мышлению. «Если не уверуете, то не уразумеете... Познание, опосредствуемое верой, — наидостовернейшее», — утверждает Климент Александрийский (Александрийский 208). Всякий, ищущий истину, считает он, должен исходить из каких-то первоначальных положений, определяющих пути развития его поиска, занимать определенную познавательную-мировоззренческую позицию, верить во что-то. Вера, как установка сознания, отождествляется христианами с религиозной верой. Она трактуется как форма единения человека с Богом, как канал, через который Бог воздействует на познавательные способности человека, оздоравливает, оплодотворяет и совершенствует их.

ЛИТЕРАТУРА:

- Александрийский Климент: *Увещание к язычникам*, пер. А. Братухина. Санкт Петербург 1998.
- Байбурин Альберт: *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. Санкт Петербург 1983.
- Зеленин Дмитрий: *Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью русалки*. Москва 1995.
- Кривелев Иосиф: *Библейская критика*, <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?4&prn> у История, 2 августа 2011.
- Петренко Виктор: *Психосемантика сознания*. Москва 1988.
- Рыбаков Борис: *Мифы, предания, сказки*, в: *Киевская Русь и русские княжества в XII—XIII вв.* Москва 1982.
- Zelenin Dmitry: *Russische (Ostslavische) Volkskunde*. Berlin, Leipzig 1927, рус. пер.: *Д. Зеленин, Восточнославянская этнография*. Москва 1991.